

Аз есмь!

Когда облечься письменною плотью
Пришел душе славянской звездный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой — Аз.

«Аз есмь» — мой предок тонкой вывел кистью
Слова Творца, те самые, что Он
Вписал нам в сердце, как венец всех истин,
Как главный над законами Закон.

Летели годы, дни, Россия крепла
На радость Богу — сатане на страх,
То поднимаясь фениксом из пепла,
То падая опять почти во прах.

Когда же чужеземная зараза
Вползла незримо в русские сердца,
Мы отделили наше «я» от Аза
И первым поместили от конца.

Сегодня мир охвачен общим тленьем.
Но мы всему, что утеряло честь,
С российским нескончаемым терпеньем
Ответствуем уверенно:
— Аз есмь!

Жива души уступчивая сила,
Жива в душе торжественная песнь,
Жива Земля, пока жива Россия.
Аз есмь!

1982

Молодым

Поучать не хочу,
Жизнь сама вас научит:
Обломает рога,
Шоры с глаз уберет.
Есть у каждой эпохи и солнце, и тучи,
Есть у каждой души свой крутой поворот

Или вверх, или вниз,
Остальное — детали...
Вон Георгий опять поднимает копье.
Мы Россию в боях никому не отдали,
Вы на ваших торгах не продайте ее.

2005

Алтайская рапсодия

Звезда

Над Белухой вспыхнула звезда,
Что-то шепчет горным склонам глухо.
Что же ты услышала, Белуха,
Что нас ждет, надежда иль беда?

Над Белухой вспыхнула звезда,
Ловят свет алтайские озера,
Что-то здесь случится очень скоро,
Но тиха озерная вода.
Над Белухой вспыхнула звезда,
Мир подлунный в ожиданье замер,
Смотрят вверх тревожными глазами
Ледники, селенья, города.
Над Белухой вспыхнула звезда.
Сердце, ты одно звезду услышишь,
Мужеством и радостью утишишь
Пламена Последнего Суда.
Над Белухой вспыхнула звезда.

1982

А мы молились за Россию

По глыбам льда, из-под которых
Кагунь рождается на свет,
Мы поднимались молча в гору,
Светлей которой в мире нет.
Был день, как лед, холодный, синий,
Серели тучи, как жнивье,
А мы молились за Россию,
За воскресение ее.
Нам мнилось: час великий пробил,
Страна снимается с креста.
О, как стучалась в клетку ребер
Нахлынувшая красота!

Нам с ней хотелось сердцем слиться,
Взлететь по стенке ледника
И выше, к солнцу, по ресницам
Лучей, пробивших облака.
Но Голос вдруг раздался строгий,
Звучал он как бы изнутри:
— Еще не выстроились сроки
Стране обещанной Зари.
Ступайте вниз, в свое безлюдье,
Вериги прежние влача.
Да негасимую пребудет
Зажженная в груди свеча!

1996

Белуха

Когда расстанусь с плотной оболочкой,
Когда в бесплотный устремлюсь полет
В бездонно-фиолетовый, полночный,
Луной посеребренный небосвод,
Налюбовавшись звездными мирами,
Я возвращусь однажды на заре,
Как блудный сын в новозаветной драме,
К тебе, все утоляющей горе.
Берели Белой светлая излука,
Кок-коля Малого немолчный звон и зов.
Белуха, несравненная Белуха,
Ты для меня — как первая любовь.

В душе моей впечатаны навеки
Снегов твоих целительный простор,
Лазурные улыбки аквилегий,
Зеленый мрамор кедров и озер.
Я знаю, что и ты, как я, не вечна,
Когда-нибудь твои растают льды,
От всех твоих нарядов подвенечных
Останутся лишь светлые мечты.
Но никакой зигзаг судьбы случайный
Не разлучит нас с очагом Отца.
Живет в нас ослепительная тайна,
Которой нет и не было конца.

Далекое и близкое

В голове у меня
Среди желто-зеленых сосенок
Протекает ручей,
Он ленив, словно пленная рысь.
Но ведь где-то бежит
По холодным камням, как бесенок,
И сверкает на солнце
Веселыми пятками брызг.
Это память меня
Возвращает на горные тропы.
...По компьютерным клавишам
Пленными пальцами бью,
Все пытаюсь вдохнуть

В черно-белые строгие строфы
Синь алтайских вершин
И сердечную нежность свою.
Состязаться с природой —
Привычное дело поэта
И, конечно, проигрывать
Спор в безнадежной борьбе.
О, ручьи!
О, Катунь!
О, Белуха!
Полцарства за это!
Но вторые полцарства
Оставлю стихам и себе.

* * *

Одинокий костер
Ты зажег на излучке Катунь
Уходящему солнцу вдогонку.
Вокруг ни души.
Все, о чем бы во мгле
Наступающей вдруг ни подумал,
Облекается тотчас в картины живые.
Пиши!
Например, как в костре
Огнеликие ангелы бродят
Или гном на огонь
Из-за мшистого камня глядит,

Как танцует вода
На катунском крутом повороте
И рождает из брызг
Белопенных речных Афродит.
Все вибрирует жизнью
И смертью задымлено тоже
Под лучами души твоей.
В ней и надежда, и жуть.
Ты на этой излучке
Всего лишь случайный прохожий.
Дай же право поверить,
Что ты ее главная суть.

Сибирская земля

Встреча с Байкалом

Я рад, что видел штормовую ярость,
воистину, твою мужскую статью,
а после шторма ты качал наш парус,
как маленьких детей качает мать.

Я рад, что жизнь тебя не погубила,
не превратила в грязное пятно.
Что на мели и на больших глубинах
не прячешь дно. И что оно — одно.

Над Кулундой в два слоя облака,
 Сентябрь дождит неделю за неделей,
 Но в ритме круглосуточном потеют
 Комбайнов порыжелые бока.
 Когда же торжествует Водолей,
 Когда хлеба в работу не годятся,
 В недолгий час молчания полей
 Здесь лебеди усталые садятся.
 И делается празднично и тихо,
 И, долгой скукой
 Схваченная в плен,
 Вдруг расцветет, как старый гобелен,

Простая кулундинская холстина.
 Склоняют шеи царственные птицы
 В прохладное озерное вино —
 В коричневую мутную водицу
 Запить благословенное зерно.
 Но скоро в путь
 Ликующий и дальний.
 Ударят белых крыл колокола —
 Чтоб темный день
 Клубился светлой тайной,
 Чтоб эта степь
 Надеждою жила.

Транссиб

За вагонным окном
 Проводами расчерчены ели.
 От Москвы до Сибири,
 По всей необъятной Руси
 Пряжу белую ткут
 Молчаливые наши метели,
 И вдогонку вагонам
 Седая лошадка трусит.
 Через ямы и кочки,
 Сквозь бесов кривые ужимки
 Русь рысит не спеша
 По раздольной дорожной петле.
 Прикасаются нежно
 Февральского снега пушинки,
 Словно пальцы ребенка,
 К уставшей от грусти земле.

Наважденья уносятся
 В теплом березовом дыме.
 Наглотались мы вдоволь
 Заемных сладостей и страстей.
 Проплывет деревенька,
 В душе всколыхнет и подымет
 Задремавшие корни
 Под ворохом шумных вестей.
 Так судьба прочертила
 Наш путь по не нашим орбитам,
 Новизна упирается
 В издревле данный завет:
 Возвращаться из города
 К сельским просторам забытым,
 Из колодцев чужих
 Подниматься на собственный свет...

140-летие адмирала

Красиво умирал Колчак,
 Смотрел поверх штыков, молчал.
 О снисхожденье умоляя,
 С ним рядом плакал Пепеляев¹.
 Соединял ангарский лёд
 Двух пленных и особый взвод,
 Россию ту с Россией этой.

И ахнул залп, и эха гром
 Откликнулся в тридцать седьмом
 Свинцовой тою же монетой.
 И тоже кто-то был красив
 На алом стыке двух Россией.
 Забудем о минувшей злобе,
 Сегодня вспоминая обе.

¹Последний премьер правительства Колчака, арестованный, просил большевиков о пощаде, но был расстрелян в 1920 году.

Мы тебя отстоим!

Край передний иную
Наметил манеру рисунка,
Поменяли регистры
Октавы военной грозы —
По высотам сердец,
По лощинам и лужам рассудка
Пролегает сегодня
Зигзаг фронтовой полосы.
Мы в окопах еще,
Мы в траншеях по самые плечи,
Видно, день не настал,
Видно, час наступать не пришел.
Словно мессеры, кружат
Чужие недобрые речи,
Атакуя повсюду
Притихший российский Глагол.

Ждали пуль и огня,
Оголтелой пехоты и танков,
На прямую наводку в туман
приготовив стволы.
А отравы вползла
На позиции главные с флангов,
Потому что мы сами
Открыли отраве тылы.
Мы и это пройдем,
В эшелонах тройных перестроясь,
Пусть нас кто-то хоронит
И в яму загнать норовит.
Мы тебя отстоим,
Золотая славянская совесть,
Наше русское сердце —
Сияющий Спас на крови!